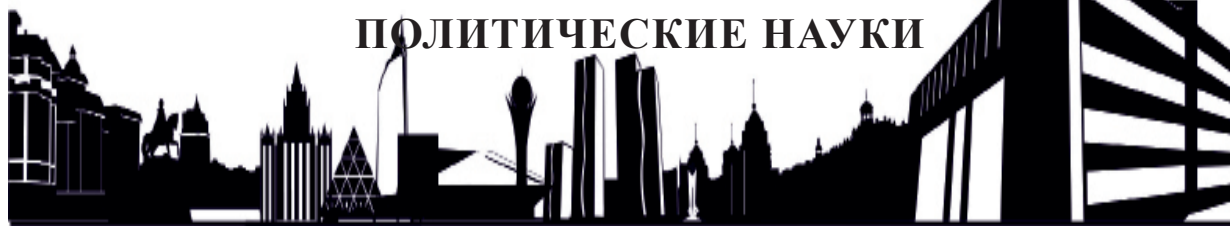

САЯСИ ҒЫЛЫМДАР POLITICAL SCIENCE ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

МРНТИ 11.07.21

Б.А. Габдулина¹, Г.О. Ниеталиева²

*Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: bagish68@yandex.kz¹, guldana.niyet@mail.ru²)*

Политика российского государства в отношении мусульман Центральной Азии в начале XX в.

Аннотация. В данной статье исследуется каким образом мусульманское население Центральной Азии (в некоторых случаях это применимо и ко всему мусульманскому населению российской империи) воспринималось российским императорским правительством, рассмотрим природу этих отношений. Рассматриваемый период – начало XX в., включая и ключевые события, повлиявшие на развитие взаимоотношений между властью и мусульманами Центральной Азии, как Андижанское восстание, положение уламов, реформы Столыпина, начало Первой мировой войны и Восстания 1916-го года. В статье будут использованы некоторые тезисы, использование которых частично показывает Российское имперское отношение к мусульманам и исламу. Основной вопрос исследования стоит в некоей презумпции, что мусульмане Российской Империи склонны были сопротивляться колонизации, что эта статья и ставит под сомнение.

Ключевые слова: Российская империя, мусульмане Центральной Азии, восстание 1916 г., конфессиональная политика, Первая мировая война, история Российской империи.

Введение. С получением независимости в 1991-м году, правительства новообразованных стран Центральной Азии столкнулись со сложнейшей задачей, работа над которой идёт и по сей день – построение национальной истории и истории государства, переосмысление опыта существования внутри российского государства и установка национальной самоидентичности. Относительно других стран исламского мира, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан придерживались довольно либеральных взглядов по отношению к Исламу. Тем самым, при коллапсе социалистической политической самоидентификации и отказе от теократического политического строя, выбор пал на постройку национальной идеи. Как и полагается в подобных случаях, история стала служить фундаментом этой идеи. Тем самым, поддаваясь давлению правительств, пересмотр или даже в некоторых случаях «подгонка» каждого исторического события стала происходить сквозь призму национальной идеи.

Одним из наглядных примеров подобных политически-мотивированных интерпретаций исторических событий могут служить Восстания 1916-го года в Российской Империи, одно из крупнейших за всю историю российской монархии. Изначально, императорская власть заявляла, что восстания – показатель некоего агрессивного проявления Ислама, своего рода латентное сопротивление российской интеграции. Советские историки же классифицировали события 1916-го года, как «первое восстание центрально-азиатского пролетариата», предположительно, с целью воспитания социалистической самоидентификации у жителей Средней Азии. Большинство же современных историков убеждают общественность, что три восстания 1916-го года свидетельствуют о старости

национальной идеи и самоидентичности в Казахстане (Восстание в Торгае), Кыргызстане (Пржевальск) и Узбекистане (Джиззак).

Методы. Несмотря на то, что не эволюционная, а революционная постройка политической системы практически во всех случаях заставляет историю, как науку, идти по ненаучному пути развития, важно осознавать деривацию современной историографии от предыдущих и исторических источников. Подобный исторический метод исследования, в особенности, с применением преимущественно качественного анализа, повсеместно используются в политологии, дабы подчеркнуть риторику государства и политическую конъюнктуру.

Данное исследование таким образом ставит **цели:**

- испытать гипотезу о «латентном диссидентстве» российских мусульман;
- выявить степень «патриотической самоидентификации» центрально-азиатских мусульман Российской Империи;
- попытаться определить политическую самоидентификацию восставших людей.

Достигнув вышеуказанных целей, данная статья не только позволяет подметить вектор развития политической идеологии молодых республик Центральной Азии, привнося новые аргументы в исследовательские дискуссии, но и указывает на характер самой призмы, сквозь которую интерпретируются и другие исторические события. Последнее в нынешнее время крайне актуально в связи с всплеском русофобских настроений по всему миру. Важно подметить, как про-государственные историки «играют с огнём», обрисовывая исторические эпизоды открытых столкновений с русской администрацией, как моменты национального триумфа и гордости. На примере стран Прибалтики, Финляндии и Польши можно видеть, как чрезмерная идеологизация истории ведёт к подъёму антирусских националистических движений.

Российская империя была одним из крупнейших государств, участвовавших в Первой мировой войне. В отличие от других империй, Российская империя имела длинную общую сухопутную границу как со своими колониальными владениями, так и со своими противниками - Германской, Австро-Венгерской и Османской империями, что в купе со слабой промышленностью России, сделала для неё эту войну тяжёлой и кровопролитной, так как требовалось внушительное количество войск для покрытия такого большого фронта, чего слабая промышленность России не могла позволить себе. Эти и прочие факторы сказывались на внутренней стабильности государства, создавая некий «стресс» для населения, вызванный тяжестью военных нужд. Важность изучения этого периода заключается в том, что поставленное в такие тяжёлые условия население наглядно демонстрирует проявления всех ранее нерешённых политических, социальных и экономических проблем Российской империи, как в своём роде стресс-тесте. Это также применимо и к «перифериям» Российской империи, в данном случае Центральной Азии, населённой преимущественно мусульманами, которые и будут являться основными объектами данного исследования, так как составляли более половины мусульманского населения Российской империи.

Около 95% мусульманского населения было освобождённым от обязательного призыва, и могло пополнить состав армии лишь в добровольном порядке. Таким образом, какого-то массового физического, прямого участия мусульман в войне нельзя и ожидать. Участие мусульман по большей части является лишь косвенным, экономическим, за исключением добровольцев, да военнообязанных татар и башкир. В основном, правительство в Петрограде считало, что мусульманское население слишком ненадёжно для призыва в армию, и это мышление и стало основной призмой, сквозь которое и анализировалось мусульманское население Российской империи. Тем не менее данное исследование указывает, что большинство мусульманского населения России не только не саботировали войну «изнутри», но и даже всячески поддерживали русские военные нужды добровольцами

и активной экономической контрибуцией, вопреки мнению, упрочившемуся в умах императорского окружения.

Результаты и обсуждение. В данной статье мы пытаемся рассмотреть природу восприятия населением Центральной Азии Первой мировой войны. Необходимо определить основную тенденцию восприятия колониальным населением Центральной Азии Первой мировой войны. Очень важным пунктом в данной статье являются восстания 1916 года в Центральной Азии. Вопреки бытующему мнению, это восстание не должно восприниматься сквозь призму антиколониальных движений, либо анти-мусульманских настроений Петрограда, соответственно, не должно быть воспринятым как нечто естественное, вполне ожидаемое, или то, что должно было рано или поздно произойти. Более того, одной из задач исследования было – определить являются ли восстания 1916-го года знаком уже активного вклада Центральной Азии в войну, либо же напротив, её отказа от сего. Более того, используя анализ как самого события, так и контекста этого события, можно заметить, что это был лишь протест против непосильных требований колониального государства, но население изъявляло желание выполнять эти требования, и не было и речи о каком-либо отделении или гражданской войне. Советская школа исследователей по неким идеологическим причинам любила связывать восстания 1916-го года с последующей гражданской войной, как «первое пролетарское восстание», хотя народ Центральной Азии и марксистские мотивы были далеки друг от друга. Соответственно, помимо исследования настроений мусульманского населения, в особенности в начальном периоде войны, следует критически переосмыслить важность и суть восстаний 1916-го г.

Мусульмане Центральной Азии попали в своего рода ловушку: степняки и население Туркестана находились вне призыва, и их территории не затронула война, что заставляло центральную администрацию сомневаться в «пригодности» и «полезности» этого населения, чего и нельзя было ожидать от них, так как своего «шанса доказать верность Царю и Отечеству» у них не было. [1, 362 стр.]. Специалист по Ближнему Востоку и Центральной Азии Роберт Крюс также утверждает, что при восстаниях 1916-го года не может быть и речи о какой-то патологической диссидентности народов Центральной Азии. Основные причины восстания скрываются за экономическим давлением на население со стороны колониального правительства, в основном, проблема земельного вопроса, что и провоцировало напряженность на этнической и религиозной почвах. Кроме того, Крюс указывает на уязвимую позицию местных этнических колониальных властей, поскольку они не только были «бесполезны» и безынициативны, но и являлись целями бунтующих масс [1, 362-363 стр.]. Положение «уламов» варьировалось от разжигания мятежа до препятствования участию [1, 364 стр.]. Крайне неверно будет указывать на религиозные мотивы восстания, так как религия фигурировала в этом вопросе ровно столько, сколько она фигурировала бы в любом другом вопросе повседневной жизни. Исламская идентичность не подталкивала мусульман к сопротивлению, и не конфликтовала с тем, чтобы рассматривать Российскую империю и родину как одно и то же. Подобное можно наблюдать и из первоначальной реакции большинства мусульман на Первую мировую войну. Несмотря на то, что религиозные лидеры Османской империи призывали российских мусульман начать джихад против русских, французов и англичан, стремление Оренбургского муфтия поддержать войну Отечества, войну России против австро-венгров, немцев и османов, было гораздо более эффективным, чем призывы муфтия из Стамбула [1, 351 стр.]. В результате более миллиона мусульман активно ответили на призыв и в основном, были записаны добровольцами в армию [там же]. Другими показателями активного участия мусульман на фронтах являются записи того, как Николай II во время поездки по линии прифронтового тыла посещал как мечети, так и православные храмы [1, 352 стр.]. Помимо этого, существовала специальная воинская награда для солдат-мусульман, где вместо

креста Святого Георгия, был установлен двуглавый орёл, что явно указывает не только на сам факт участия мусульман, но и на их храбрость, мужество и эффективность [там же].

Это всё Крюс объясняет российской политикой поддержки и включения ислама в Российскую империю, активно применявшейся до 1914 года, что даже было предметом критики со стороны русских националистических движений [1, 353 стр.]. Система толерантности, установленная Екатериной II, под влиянием модели Габсбургской империи, также была призвана завоевать лояльность и поддержку мусульманского населения на периферии и приграничных с Турцией регионах, что и было сделано с успехом [1, 354 стр.]. Успех, утверждает Р. Крюс, свидетельствует о том, что местные мусульмане начали включать российские колониальные институты власти в повседневную жизнь, включая те сферы жизни, где обычно этим занимается религия [1, 358 стр.]. Другими словами, существование двойного легализма уже является признаком интеграции жизненно важных колониальных институтов с основными религиозными институтами, чтобы влиять на экономическую и политическую жизнь мусульман в колониях [1, 360 стр.].

Исследование Крюса показывает намерения российского императора и его правительства в отношении мусульманского населения Российской империи. Мусульмане Центральноазиатского региона первоначально не были призваны в армию, как например, татары и кавказцы. Более того, система двойственного легализма существовала в основном в кочевых регионах Центральной Азии [1, 216 стр.]. Это показывает, что российское правительство пыталось заработать лояльность и поддержку мусульман. Тот факт, что центральноазиатское мусульманское население не реагировало на турецкий призыв к джихаду, показывает, что, по крайней мере, пророссийские религиозные авторитеты были важнее, чем халиф в Стамбуле, который утверждал, что он является религиозным лидером мусульман по всему миру.

Кроме того, в книге исследователя из Коннектикут Айлин Кейн «Русский хадж. Империя и паломничество в Мекку» показывается, как русские императорские чиновники поддерживали организацию хаджа, хотя и преследовали собственные интересы [2]. Более того, терпимость и интеграция мусульман были не только наследием Екатерины II, напротив усилились к концу XIX в. инициативами из разных институтов российского правительства [1, 353 стр.]. Тогда Российская империя не всегда была полностью позитивной в отношении ислама во внутренних и приграничных районах; однако она попыталась включить мусульманское население в Империю. Более того, российские официальные лица были очень обеспокоены образом Российской империи за пределами, особенно в соседних мусульманских регионах [1, 354 стр., 2]. Из этого видно, что картина 1914 года показывает мусульманское население Российской империи не как полностью отчужденного правительством и имперской колониальной политикой, а напротив, как мало-помалу интегрирующийся социальный субъект империи.

Вопреки мнению Р.Крюса, ученый-востоковед Бахтияр Бабаджанов утверждает, что природа российской колониальной политики в Туркестане заключалась в «игнорировании» мусульманских институтов, поскольку фон Кауфманн считал, что исламские институты вскоре вымрут из-за их «отсталости» и «нерациональности» [3, 159 стр.]. Это объясняет, почему исламские институты не рассматривались как вызов российским колониальным институтам. Нельзя отрицать роль Андijanского восстания в 1898 году. Хотелось бы утверждать, что важность этого восстания заключается не в самом восстании, поскольку его масштаб был довольно ограниченным, а в реакции российских властей на него и его интерпретировании ими [3, 170 стр.]. Власти показали восстание в негативном, антиимперском контексте, что заставило российских политиков пересмотреть имперское отношение к местным исламским институтам и родить в них предвзятое отношение к исламу в Российской империи не на один десяток лет [3, 160 стр.].

Бабаджанов утверждает, что политика в отношении мусульман, инициированная и претворяемая в жизнь фон Кауфманом, привела к поддержке колониальной администрации мусульманскими жителями Центральной Азии и отказа от поддержки Андижанского восстания, что подтверждает точку зрения Крюса о политической интеграции мусульманского населения в Российскую империю [3, 170 стр.]. Несмотря на негативную интерпретацию андижанского восстания и последующей реакции, создавшей давление на мусульманское население в Туркестане, Столыпин в 1906 году предложил новую риторику в отношении мусульман. Эта риторика подразумевала осторожное и дипломатичное административное управление, направленное на предотвращение дискриминации и правонарушений в отношении мусульман. Не все пункты политики Столыпина были реализованы из-за его убийства в 1911 году, но некоторые из них были реализованы и привели к более позитивному восприятию и интересу к «исламскому вопросу» [3, там же]. До самого начала войны, русские ученые и политики восстанавливались от андижанского восстания, что вынуждало их отчуждать исламские институты от колониального мира и заставило их воспринимать ислам как угрозу империи. Но эти негативные взгляды на ислам не были популярны в обществе, и изменения в колониальной политике, вызванные восстанием, не поддерживались некоторыми членами политических элит в Санкт-Петербурге и Москве [3, 175 стр.]. Бабаджанов, как и Крюс, утверждает, что колониализм развивался до того этапа, когда мусульманская идентичность не противоречила имперской идентичности [3, 181 стр.]. Однако это утверждение имеет противоречия. Бабаджанов показывает также, как местные религиозные и политические лидеры были отчуждены от масс. Иногда роль альтернативных религиозных лидеров для более бедных классов играли местные имамы, джадиды или суфийские мыслители, как в случае с Дукчи Ишаном [3, 182 стр.; 3, 185 стр.]. Соответственно, само понятие идентичности – не есть что-то статичное и четко определенное. Таким образом, та же самая мусульманская идентичность не было каким-то хорошо укрепившимся понятием в сознании людей, чтобы заставлять их чувствовать себя отчужденными от колониальной власти и самой империи.

Работы Р.Крюса и Б.Бабаджанова были значимыми для того, чтобы иметь представление об истории мусульманского населения в Российской империи до 1914 года. Сюда относятся и Андижанское восстание, которое повлияло на политику в отношении мусульман. В начале Первой мировой войны центральноазиаты пользуются освобождением от военной воинской повинности, что вовсе не означает, что они были совершенно безразличны; напротив, есть свидетельства того, что туземцы помогали семьям русских и тех, кто сражался на фронте [4, 24 стр.]. Поэтому порядок трудового призыва не был спорадическим и имел некоторую основу. Проблема в том, что мусульмане Центральной Азии восставали не из-за самого приказа о призыве, хотя он и был сыроват и довольно односторонним, а из-за характера исполнения этого приказа. Вездесущая коррупция имела место при составлении списков [4, 55 стр.]. Более того, исходя из отчетов местной колониальной администрации, интересы коренного населения не отстаивались вовсе. Трудовая воинская повинность угрожала производству продовольствия в Центральной Азии, особенно в сельскохозяйственных регионах, где эта рабочая сила должна была собирать урожай. Эти интересы местных жителей защищали местные российские правительственные чиновники, в том числе даже генерал-губернаторы Степного и Туркестанского краев [4, 28 стр.; 4, 38 стр.].

Более того, ряд высокопоставленных правительственных чиновников, и даже сам Николай II ходатайствовал о предоставлении денег для оплаты труда. Генерал-губернатор Туркестанского региона Куропаткин утверждал, что приказ императора о быстром призыве большого числа жителей Центральной Азии привел бы к сильному снижению производства продовольствия и хлопка, каковыми являлись основные секторы экономики Центральной Азии. Он утверждал, что этот приказ не был полностью выполнен корректно, и не должен

быть исполненным, поскольку гражданская экономика Центральной Азии вносила вклад в российскую армию больше, чем могла сделать центральноазиатская рабочая сила на фронте [4, 40 стр.]. Это важный момент, поскольку он дает нам доказательства утверждать, что Центральная Азия была стратегически и экономически важна для империи и действительно была воспринята как таковая.

Заключение. Другими словами, Центральная Азия была не только пулом рабочей силы для империи, но и поставщиком значительных экспортных ресурсов (главным образом хлопка) и важным производителем продовольствия (крупный рогатый скот и сельское хозяйство). Это важно понимать, потому что дебаты в раннем советском периоде использовали аргументы экономической отсталости и экономической неэффективности этого региона, как «рациональные» обоснования многих политик, одна из которых - коллективизация, приведшая к Великому голоду в казахских степях. Сообщения Куропаткина и Сухомлинова показывают, что экономика, возможно, была слишком трудоемкой, хотя нет никаких упоминаний о том, что ее вклад в экономику Империи был ничтожен. Эти понятия должны быть также включены в более чем полувековую политическую интеграцию мусульман Центральной Азии (своего рода политический союз) в Российскую империю. Из-за таких довоенных политических ситуаций, несмотря на Андижанское восстание, контекст диктует, что центральноазиатские мусульмане должны были поддерживать Первую мировую войну, и действительно, они поддерживали ее, хотя, возможно, не в ожидаемой степени. Восстание 1916 года являлось результатом двухлетней нищеты, социального стресса, бесхозяйственности, дискриминации коренного населения при распределении земли, неспособности местных и императорских чиновников составить и выполнить более постепенный и менее стремительный призыв для центральноазиатских народов.

Список литературы

1. Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia / R.Crews, Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2006. – 463 p.
2. Kane E. Russian Hajj. Empire and the pilgrimage to Mecca. Part 2. The Hajj and religious politics after 1905 / Ithaca and London: Cornell University Press, 2015. – 256 p.
3. Бабаджанов Б. Андижанское Восстание 1898 Года и “Мусульманский Вопрос” в Туркестане (Взгляды “Колонизаторов” и “Колонизированных”) // Ab Imperio. – 2009. Выпуск 2. - С. 155-200.
4. Пясковский А. В. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов / отв. ред. А.В. Пясковский. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 794 с.

Б.А. Ғабдулина, Г.О. Ниеталиева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Ресей мемлекетінің XX ғасырдың басында Орталық Азия мұсылмандарына қатысты саясаты

Аннотация. Аталған мақалада ресейлік императорлық биліктің Орталық Азия мұсылмандарына (кейбір жағдайда бұл ресейлік империяның бүкіл мұсылмандарына) қатысты ұстанған саясаты зерттеледі, осы қарым-қатынастардың негізін де қарастырылады. Қарастырылатын кезең XX ғ. басы, бұл тұстағы биліктің Орталық Азия мұсылмандарымен арадағы саясатқа ықпал еткен негізгі оқиғалары, айталық: Андижан көтерілісі, Уламаньң жағдайлары, Столыпин реформасы, Бірінші Дүниежүзілік соғыс және 1916 жылғы көтеріліс. Осы мақалада кейбір тезистер, мұсылмандарға және исламға қатысты Ресей империялық көзқарасын ішінара көрсетеді. Зерттеудің түйткілді тұсы – ол, Ресей империясы мұсылмандарының отарлауға қарсы әрекеті болғанын болжауды жокқа шығару аталған мақаланың діндегі болмақ.

Түйін сөздер: Ресей империясы, Орталық Азия мұсылмандары, 1916 ж. көтеріліс, конфессиялық саясат, Бірінші дүниежүзілік соғыс, Ресей империясының саясаты.

В.А. Gabdulina, G.O. Niyetaliyeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

The Russian Governmental Policy towards the Muslims of the Central Asia in the beginning of XX century

Abstract. This article describes the relationships between Russian colonial government and Muslim population of Russian Central Asia, emphasising on how the Russian government perceived the Muslim population and we consider the nature of these relations. The particular period is the first two decades of XX century, covering briefly changes brought in the result of Andijan uprising, the position of ulamas, Stolypin reforms, outbreak of the First World War and 1916 uprising. Some theses are used in the article, which partially show us the Russian imperial attitude to Muslims and Islam. The main research topic is questioning a widespread assumption that being Muslim in the Russian Empire means to be resistant to the colonisation and having a permanent desire to succeed from the Empire, which is far from being truth indeed.

Keywords: Russian Empire, Muslims in Central Asia, the 1916 Uprisings, confessional politics, the First World War, history of Russian Empire.

References

1. Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia (Harvard University Press, Cambridge, 2006).
2. Kane E. Russian Hajj. Empire and the pilgrimage to Mecca. Part 2. The Hajj and religious politics after 1905 (Cornell University Press, Ithaca and London, 2015).
3. Babajanov B. Andizhanskoe vosstanie 1898 goda i “Musul’manskiy vopros” v Turkestanе (Vzgliady “Kolonizatorov” i “Kolonizirovannyh”) [The 1898 Andizhan Uprising and the “Muslim Question” in Turkestan (Perspectives of the “Colonizers” and the “Colonized”)], *Ab Imperio*, **2**, 2009.
4. Piaskovskii A. V. Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazahstane: sbornik dokumentov [The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: a collection of documents] (Izdatelstvo Nauk SSSR, Moscow, 1960).

Сведения об авторах:

Габдулина В.А. – к.и.н., доцент кафедры Политология Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, ул. Янушкевича, 6, Астана, Казахстан.

Ниедалиева Г.О. – магистрант кафедры Политология Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, ул. Янушкевича, 6, Астана, Казахстан.

Gabdulina V.A. - candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Yanushkevich Street, 6, Astana, Kazakhstan.

Niyetaliyeva G.O. – graduate student of the Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Yanushkevich Street, 6, Astana, Kazakhstan.